

«Меню Александр»

Слово до востребования

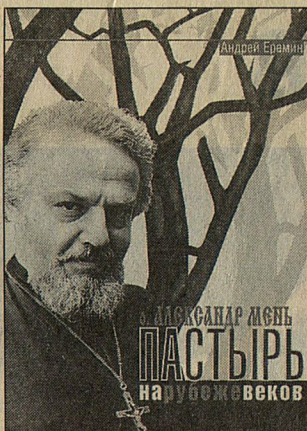
Андрей Еремин. Отец Александр Меню. Пастырь на рубеже веков. М.: Carte Blanche, 2001

Новые Известия - 2001 -
Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

24 нояб. - С. 7.

Русское общество оказалось полностью неготовым к приходу такого священника, как Александр Меню. Традиционный для российского мыслителя ореол гонений и даже мученическая смерть вопреки распространенному мнению к истине тоже не приближают. Мы слишком увлекаемся житием и перестаем видеть жизнь. У страстотерпца и мученика Меню была внешне очень простая и даже довольно типичная жизнь священника в тоталитарном атеистическом государстве. Высшее образование, разочарование в вытяжках из науки, лишенных метафизического смысла, тяга к ценностям, заложенным в детстве. Эти ценности российской интеллигентной семьи, которые оставались незамутненными, пройдя сквозь все войны и революции. Мир, из которого вышел Меню и который он всячески защищал, устоял в 1917-м, в 1937-м, но почти полностью исчез и разрушился в годы перестройки. Оказалось, что не надо было так яростно бороться с православием в частности и всеми вероисповеданиями в целом. Достаточно было, сняв запрет на Библию и богословскую литературу, оставить без всякого наказания тех, кто аж до 1989 года преследовал на государственном уровне людей, читающих Флоренского, Булакова, Бердяева или, что еще страшнее для власти, живого Александра Меню.

Меню раздражал именно тем, что был жив, полон сил и ни на что не претендовал. Он, как в самые глухие советские годы, продолжал служить в своем заштатном приходе. Причащал, исповедовал, венчал, крестил и окормлял духовно тысячи простых прихожан. Именно про-

сты! Вот что возмущало. Ну ладно горстку интеллигентов (кто с ними считается?), а вот простых бабушек и дедушек не должен был опекать священник и богослов с мировым именем. Не должен. Но опекал. И секрет этого чуда прост. Меню внешне суровым обликом был не только человеком долга, но и просто очень добрым человеком. Под его влиянием стали в свое время священниками Глеб Якунин и кандидат биологических наук, генетик, отец Александр Борисов. В Меню как-то гармонически сочеталось примиряющее начало Борисова и пламенное — Якунина. Он нарушил все правила советского благочестия, опубликовав свои богословские и исторические труды за рубежом, но, конечно же, для России. Его книги несмотря на все запреты были едва ли не в каждом культурном доме, только ему удалось найти тот язык, на котором слова Христа становились понятны и полуграмотной бабушке, и весьма образованному техническому интеллигенту. Ему жадно внимали аудитории всевозможных НИИ, что опять же приводило в бешенство власть, претендовавшую на исключительное монопольное владение

умами и сердцами людей. Если бы Меню обращался только к технической интеллигенции или только к бабушкам, ему бы простили. Но он обращался ко всем. После его проповеди, весьма урезанной, но все же прозвучавшей по телевидению в годы перестройки, нечего стало делать записным ораторам в рясах с погонами. Была видна их фальшь, их византийская хитрость, их веками отработанное лукавство.

В Меню ничего этого не было. Ни улыбочки с хитрецой, ни тройного уклончивого смысла, ни витиеватой речивости на смеси церковно-славянского с новосоветским. Он в меру сил и разумения подражал Христу. Говорил просто о самом сложном и никогда не уклонялся в риторику.

Мученический конец его жизни сопровождается вот уже десятилетней паузой в понимании его трудов. Это даже паузой назвать нельзя. Десятилетия минута молчания. Оно и понятно. По меткому выражению Юрия Карякина, Россия «одурела». Ей сейчас не до Меню и даже не до Христа. Она обогащается, разоряется, беднеет, богатеет, императорствует, взрывается, тонет и выплывает. Труды Меню и его духовный опыт сегодня не востребованы. Поэтому любую его книгу и книгу о нем я бы так и снабдил надписью, как на почтовом конверте: «До востребования».

Меню говорил: «Для меня в церкви дороги, как в детстве было, песнопения, церковная архитектура, книги, обычаи, но все это имело бы проходящий смысл, не более важный, чем традиции древних индийцев или египтян, если бы я не чувствовал, что Христос действительно остался, если бы не слышал Его голоса внутри, Его отчетливого голоса, более отчетливого, чем иной человеческий голос». Многие из нас слышали голос Александра Меню. И это большое счастье.